

Дарина Ро

ИВАН:
ТАЙНА ГАРПИЙ

Дарина Ро

ИВАН: Тайна гарпий

<https://litres.ru/74371129>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой истории не найти отголосков радости, свойственных привычным сказаниям. Здесь запечатлён лишь обрывок былого — фрагмент судьбы, которому не суждено попасть на страницы летописей.

Иван — наследник престола, будущий владыка огромной империи — оказался в водовороте тяжёлых испытаний. В тот роковой час, когда коварство приближённых слуг едва не обернулось для него трагедией, судьба столкнула его с гарпией. Джафар встретил чужака без капли доброжелательности, и исход той встречи казался предreshённым. Но вопреки ожиданиям, между ними зародилась странная связь — дружба, родившаяся среди опасности и коварства.

Однако жизнь редко следует сказочным канонам, где финал неизменно бывает светлым. «Долго и счастливо» здесь — не более чем несбыточная мечта. И в этом мрачном переплетении судеб неизбежно назревает переломный момент: кто-то должен будет нанести тот самый роковой удар, который навсегда разрубит узы дружбы, превратив вчерашних союзников в непримиримых врагов.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Не достойный	14
Глава 2	29
Не человек	29
Глава 3	48
Удавшаяся месть	48
Глава 4	70
Маргарет	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дарина Ро

ИВАН: Тайна гарпий

Пролог

— Дорогая моя Маргарет, я так счастлива за тебя! — воскликнула мать, крепко сжимая ладони дочери и увлекая её в лёгкий, почти невесомый танец. — Наконец-то наш достойный принц решился признаться в своих чувствах! Боже, какое это чудо!

Женщина плавно кружилась рядом с дочерью, и лицо её сияло таким неподдельным светом, что, казалось, в комнате стало светлее. Радость переполняла её сердце — она едва могла поверить, что долгожданная весть наконец стала реальностью. Её руки — грубоватые, с заметными следами бесчисленных хлопот по дому, с кожей, потрескавшейся от постоянной стирки и готовки, — трепетно держали нежные ладони дочери и слегка подрагивали от волнения. На глазах уже блестели тихие, счастливые слёзы, которые она и не пыталась скрыть.

— Мама, прошу, не плачь! — Маргарет ласково улыбнулась, стараясь прогнать грусть из материнского взгляда. — Я тоже безмерно счастлива, что он наконец открыл мне своё сердце. И верю, что со временем его чувства станут только

глубже и крепче.

— Солнце моё, — голос матери дрогнул, и она на мгновение прижала дочь к себе, словно желая уберечь от всех невзгод мира, — прошу тебя, будь осторожна. Не торопи события, дай ему время всё осознать. Путь, к настоящему счастью, порой бывает непрост, а особенно когда на плечах лежит такая тяжесть ответственности.

— Мамочка, я вовсе не собираюсь давить на него, — тихо, но твёрдо ответила Маргарет, чувствуя, как напряжены мамины пальцы, и стараясь своим спокойствием передать ей уверенность. — Мне хорошо известно, какой груз обязанностей и ожиданий лежит на нём. Да и нынче молодые люди редко решаются на смелые поступки сразу — им нужно время, чтобы собраться с духом. Я готова терпеливо ждать того дня, когда он по-настоящему привыкнет ко мне, когда между нами установится полное доверие.

В этот момент в дверях раздался негромкий, но властный голос:

— Кого это вы тут обсуждаете, дамы?

Артур, глава семейства, стоял, небрежно прислонившись к дверному косяку, и с лёгкой полуулыбкой наблюдал за этой трогательной сценой.

— Папа! — Маргарет вспыхнула от радости, готовая тут же поделиться счастливой новостью, но не успела и слова вымолвить: мамина рука мягко, но решительно легла ей на губы, останавливая поток слов. В глазах матери мелькнул озор-

ной огонёк, смешанный с долей осторожности, а взгляд, брошенный на мужа, был полон немого предупреждения.

Артур перевёл взгляд с жены на дочь, подметил эту молчаливую переглядку и едва заметно приподнял бровь. На его лице проступила лукавая усмешка — он явно догадывался, что в воздухе витает какая-то важная, возможно, даже судьбоносная весть, но решил не торопить события и позволить женщинам самим выбрать подходящий момент для откровений.

— Да брось ты, дорогая. Мне просто любопытно узнать, из-за чего две молодые барышни так веселятся. Или вы не хотите, чтобы старик участвовал в ваших девичьих разговорах?

Аврора убрала руку со рта дочери и, приложив указательный палец к своим вишнёвым губам, молча велела ей молчать. Та послушно кивнула и с озорством стала наблюдать за родителями. Девушка понятия не имела, какую стратегию задумала мама, но понимала: каждое её слово и каждый поступок были заранее просчитаны. Ей стало невыносимо любопытно — что же сейчас сделает её многоуважаемая матушка?

Мужчина внимательно оглядел супругу, потом перевёл настороженный взгляд на дочь, ища поддержки и ответов.

— Ты правда не понимаешь? — женщина загадочно посмотрела мужу прямо в глаза, подошла ближе и игриво подмигнула.

— Ну зачем же так запутывать, милая? Твои намёки ставят меня в неловкое положение.

— Я лишь осторожно намекнула, кинув камень в твой огород. Теперь твоя очередь отыскать этот самый камень.

— Знаешь, среди этих бесконечных рядов слов я способен заметить каждую травинку, каждый лепесток... но вот камень словно растворяется в воздухе, стоит мне лишь взглянуть на тебя. — Мужчина заглянул жене глубоко в синие глаза, и в его взгляде читалась не просто нежность, а целая вселенная чувств. Его рука легла на тонкую талию супруги и собственнически сжала её — в этом жесте слились и страсть, и желание оберегать. Брюнет медленно потянулся к ней, будто боясь спугнуть мгновение, и замер в считанных миллиметрах от её лица, вдыхая едва уловимый аромат её парфюма. Он жаждал вкусить сладость её алых губ, но на секунду задержался, желая продлить это сладкое напряжение.

— Но ради тебя я пойду даже на невозможное... — прошептал он, и его горячее дыхание окропило ухо Авроры, заставляя её сердце забиться чаще. — Если нужно будет перевернуть каждую грядку, разгрести все кусочки земли и пройти сквозь бурю — я сделаю это.

Но стоило ему чуть приблизиться, как жена разочарованно вздохнула и лёгким касанием пальца мягко оттолкнула его.

— О нет, ты разрушил весь мой замысел, — с лёгкой грустью произнесла Аврора, чуть опустив ресницы. Развер-

нувшись, она отошла обратно к Маргарет, оставив супруга стоять посреди комнаты с растерянным видом. Её движения были плавными, почти невесомыми, будто она пыталась скрыть, как сильно его поступок её задел.

— Не обращай внимания, дочка, — тихо сказала она, ласково коснувшись плеча девушки. — Твой отец сегодня слегка не в себе. Будто съел волчью ягоду.

Маргарет на мгновение замерла, переводя взгляд с матери на отца и обратно. В её глазах читалось детское любопытство, смешанное с лёгкой тревогой.

— Я опьянён твоей красотой, дорогая. Только и всего, — не растерявшись, отозвался супруг, шагнув вперёд и раскинув руки в театральном жесте, словно собирался прочесть ей оду.

Из уст женщины вылетел скромный вздох — не раздражённый, а скорее умилённый, хоть она и старалась держаться строго. Она оглядела супруга с нежной иронией: в его глазах плясали озорные искры, а на губах застыла та самая мальчишеская улыбка, в которую она влюбилась много лет назад.

— Перестань петь, как соловей, — покачав головой, проговорила она, но уголки её губ невольно дрогнули в едва заметной улыбке. — От твоих комплиментов мне становится неловко, особенно когда рядом наш ребёнок.

— Но я люблю тебя! — воскликнул он с такой искренностью, что даже Маргарет не смогла сдержать тихий смешок, уткнувшись матери в бок.

— Я тоже тебя люблю, — мягко ответила Аврора, на секунду позволив себе утонуть в его взгляде. Но тут же снова взяла себя в руки и чуть понизила голос, словно делясь секретом: — Но пусть эти подробности останутся между нами двумя. Всё-таки это личное.

— Ладно, ладно, буду шептать тебе это на ушко, когда мы останемся наедине.

Аврора лишь покачала головой, пряча улыбку, но в её глазах светилось то самое тихое счастье, которое не нуждалось в громких словах.

Дочь с интересом покосилась на мать. Та в ответ лишь махнула рукой, давая понять, что план не сработал. Девушка, обрадовавшись возможности, всё же решила поделиться своей радостью с отцом.

— Мне принц Демьян предложение руки и сердца сделал! — воскликнула молодая гарпия, и голос её звенел от переполнявших эмоций — в нём слились трепет, восторг и едва уловимый страх перед грядущими переменами. Глаза девушки сияли, будто в них отражались тысячи звёзд, а крылья слегка подрагивали — она едва сдерживалась, чтобы не взмыть к потолку от счастья.

На лице главы семейства сперва промелькнула целая гамма чувств: удивление, лёгкая тревога, гордость — словно он пытался осознать масштаб события, примерить его к привычной жизни. Но уже через мгновение его лицо озарила широкая, искренняя улыбка, разом стёршая все тени сомне-

ний. Сердце в его груди стучало так упоённо и сильно, что, казалось, было готово само вырваться наружу и огласить эту радостную весть всему миру.

Сделав пару решительных шагов, он быстро преодолел разделявшее их расстояние и крепко, по-отцовски обнял младшую дочь, прижав её к себе так, будто хотел защитить даже от самой судьбы — и одновременно поздравить от всего сердца.

— О, доченька, как я счастлив за тебя! — проговорил он чуть хриловато от нахлынувших чувств. — Моя радость беспредельна, ты даже не представляешь...

— И мама говорила ровно то же самое! — весело пропела девушка, уткнувшись отцу в плечо. Чуть отстранившись, она перевела сияющий взгляд на мать.

— Это потому, что мы с отцом очень счастливы за тебя, — тепло отозвалась Аврора, присоединяясь к семейным объятиям и обнимая дочь с другой стороны. Так девушка оказалась в кольце родительской любви. — Ты заслуживаешь самого лучшего, и, если Демьян способен это дать, мы будем только рады.

— К слову... — добавила она после короткой, но наполненной счастьем паузы. Чуть отстранившись, она всё равно не выпустила дочь из объятий.

— Что? — одновременно откликнулись Артур и Маргарет. В их голосах слышалось предвкушение чего-то нового, будто они ждали ещё одной хорошей новости.

— Где твой старший брат? — обратилась женщина к дочери, слегка нахмутив брови. В её взгляде не было строгости — лишь лёгкая забота и желание, чтобы вся семья разделила этот момент. — Он должен первым узнать об этом. Ты же знаешь, как он переживает за тебя... Да и не дело это — такое событие, а его нет рядом.

Девушка на мгновение задумалась, слегка нахмутив брови, будто пыталась мысленно прочертить путь, по которому мог уйти брат.

— Не имею понятия, — наконец тихо призналась она, пожав плечами. В её голосе прозвучала не столько безразличность, сколько лёгкая растерянность.

— Наверняка снова бродит неизвестно где, — спокойно произнёс мужчина, распустив объятия и отступив на шаг, чтобы взглянуть на жену чуть строже, но с неизменной теплотой. — Зачем ты вечно опекаешь его? Пускай погуляет свободно. Он давно уже вырос, стал сильным, уверенным мужчиной — пора и тебе это признать. Да и неприятности порой сами его стороной обходят, будто чувствуют, что связываться с ним себе дороже.

— А вдруг ему встретятся дикие звери или, того хуже, недобрые люди... — встревоженно возразила Аврора, нервно теребя край рукава. Её глаза потемнели от беспокойства, а голос дрогнул, выдавая ту самую материнскую тревогу, которая не утихает, даже когда дети становятся взрослыми.

— Раньше ты иначе думала. Почему теперь мнение поме-

нялось? — мягко спросила Маргарет, подходя ближе и осторожно накрывая руку матери своей. В её взгляде читалось понимание: она помнила, как ещё недавно Аврора с гордостью говорила о том, что их сын способен постоять за себя и за всю семью.

— Просто время идёт, — тихо вздохнула Аврора, опустив глаза. — Когда он был маленьким, я боялась, что он поранится, упав с гнезда. Теперь боюсь другого — что мир окажется слишком большим и слишком жестоким для него.

— Поверь, мама, если понадобится, он сумеет позаботиться о себе, — уверенно продолжила Маргарет, чуть крепче сжав мамину руку. — Ведь вряд ли кто-нибудь из деревенских рискнёт напасть на гарпию, особенно такую сильную, как Джафар. Его крылья, его когти, его взгляд — всё это говорит само за себя. Да и сердце у него доброе, люди это чувствуют.

Мужчина тихо хмыкнул, скрестив руки на груди, и на его лице проступила едва заметная, но гордая улыбка.

— Вот видишь, родная, — сказал он чуть тише, но твёрже, словно хотел вложить в эти слова всю свою уверенность. — Успокойся и доверься сыну. Он не тот мальчишка, что прятался у тебя за юбкой. Теперь он сам может стать чьей-то опорой.

Аврора медленно кивнула, будто пытаясь убедить в этом саму себя. Она глубоко вздохнула, и её плечи чуть опустились, сбрасывая невидимую тяжесть.

— Ты прав, дорогой, — прошептала она, слабо улыбнувшись. — Просто... сердцу не прикажешь перестать волноваться.

Маргарет обняла её, прижимаясь щекой к маминому лицу.

— Это потому, что ты его любишь, — просто сказала она. — А любовь всегда немного тревожится. Но сегодня пусть тревога отдохнёт. Давай лучше подумаем, как мы все вместе встретим Джафара, когда он вернётся. Может, испечём его любимый пирог с ягодами?

Аврора тихо рассмеялась, смахнув с ресниц непрошеную слезинку.

— Да, пожалуй, так и сделаем, — согласилась она, чувствуя, как внутри понемногу разливается спокойствие. — Пусть вернётся домой, а мы будем ждать его с теплом и с пирогом. И тогда я смогу снова просто порадоваться тому, какой он у нас вырос... и твоему счастью.

Глава 1

Не достойный

По всей земле разлилась глубокая скорбь. Толпы людей, собравшись у дворцов и храмов, оплакивали покойного повелителя. Улицы опустели. Женщины плакали навзрыд, мужчины стояли хмуро, склонив головы, словно их поразили внезапный удар судьбы.

В княжестве объявили день траура. Народ глубоко чтит мудрость и справедливость ушедшего государя. Его правление запомнилось миролюбием, расцветом торговли и искусства, заботой о простом человеке. Смерть монарха люди восприняли как личную утрату — они чувствовали себя осиротевшими, растерянными перед лицом неизвестности. Каждый понимал: уходит целая эпоха. Вместе с правителем рушились многие надежды и мечты. Настало время перемен. Оставалось лишь гадать, какую судьбу преподнесёт народу новый правитель — сын прежнего государя, восьмилетний Иван.

Чувства народа по отношению к новому царю были противоречивы. Одни испытывали уважение и почтение, другие прятали улыбки превосходства, считая наследника слабым и легко управляемым. Никто не знал, каким правителем вы-

растет этот мальчик. Возможно, перед ними будущий герой, мудрый монарх или просветитель. А может, злодей, который разрушит царство и исказит ход истории. Сейчас же юный царь казался ребёнком, застигнутым врасплох волей судьбы, — он стоял на пороге неизведанного пути, полного испытаний.

Иван и его младший брат Юра мечтали о лучших временах, представляли счастливые дни при дворце, рядом с родителями. Но судьба не щадила мальчиков с самого начала — с того мгновения, когда последний вздох сорвался с губ их матери. Жизнь заставляла детей взрослеть раньше срока. Но, несмотря ни на что, их сердца оставались открытыми, чистыми и добрыми. Братья знали главное: им нужно держаться вместе, поддерживать друг друга и надеяться на лучшее будущее.

А жизнь редко преподносит счастье на блюдечке с золотой каёмочкой, не правда ли?

Двое мужчин не спеша прогуливались по широким коридорам замка. Высокие потолки своим величием заставляли невольно затаить дыхание. Шаги гулко отдавались в тишине, лица выражали привычную осторожность и притворное равнодушие. Под мантиями виднелись дорогие ткани — они подчёркивали высокое положение придворных.

Роскошь и величие буквально витали в воздухе: каждая деталь интерьера кричала о богатстве хозяев. Тяжёлые бархатные портьеры приглушали уличный шум, отполированные до зеркального блеска полы отражали мерцание свечей в массивных канделябрах. Стены, обшитые тёмным деревом, украшали резные рамки с портретами почивших и ныне правящих монархов — немые свидетели смены эпох.

— Боже... Подумать только, какое тяжкое бремя легло на наши плечи в нынешние смутные времена, — пробормотал мужчина с густой щетиной. На его лице мелькнула лукавая улыбка, тут же переросшая в дерзкий, почти вызывающий смех.

— И не говори, — вторил ему молодой спутник. В его усмешке проскользнула неприкрытая злоба; он хищно оскалится, будто в любой момент был готов броситься в бой. — Кто знает, может, уже скоро нам удастся избавиться от всех отпрысков царской династии и отыскать наконец того, кто действительно достоин восседать на троне.

— А кого ты видишь на этом месте? Кто, по-твоему, достоин короны? — нахмурившись, спросил первый.

— Да предостаточно здесь достойных кандидатов... Их немало, если хорошенько присмотреться, — пренебрежительно махнул рукой юноша. — Но одно я знаю точно: Иван ни за что не должен править. У него ни хватки, ни дальновидности — одно лишь тщеславие.

— Ты прав, как никогда! — горячо поддержал его себе-

седник.

— Разумеется, прав, — самодовольно хмыкнул тот, выпрямляясь и словно примеряя на себя невидимую мантию власти. Он гордо поднял подбородок. — Кому, как не мне, знать все тёмные закоулки и страшные тайны царских чинов?

— Так почему бы тебе самому не занять трон? По-моему, ты идеально подошёл бы на роль монарха, — задумчиво произнёс товарищ, склонив голову набок и внимательно разглядывая друга.

— Нет, друг мой, не моё это дело — сиять на виду у всех, — покачал головой юноша. В его голосе прозвучала холодная расчётливость. — Гораздо удобнее управлять из тени. Так остаёшься в стороне от лишнего внимания, несёшь куда меньше ответственности. А если что-то пойдёт не так, всегда можно сделать вид, что ты тут ни при чём.

— Хитро придумано... — протянул первый, одобрительно кивая.

— Ха! Ещё бы! — усмехнулся собеседник, сверкнув глазами в полумраке коридора.

Два приятеля разразились неугомонным, почти истерическим хохотом, который ещё долго гулял по дворцу, словно ветер.

— К слову, каким способом мы уберём тех двоих мальчишек? — спросил один у другого.

— Да кого там! Одного в лес выкинем — пускай зверьё

радуется, а другого на чёрном рынке как раба продадим. Глядишь, заработаем и от соперников избавимся. Двух зайцев одним махом, как говорится.

— Младшего можем отправить на продажу, пока он ещё слаб. Может, удастся выручить неплохие деньги, продав его как потомка благородных кровей, — ухмыльнулся мужчина.

— Не забывай, друг мой, сначала нужно избавиться от старшего.

— Знаю, знаю. Он как раз и является для нас единственным камнем преткновения между нами и полной властью.

— Да. Короля и королеву нам удалось отправить на покой. Остались дети.

— Но согласишься, помощь в убийстве царя была как раз кстати.

— Ой, да кому интересно выяснять, что короля Василия убили вовсе не люди и не отравленные зелья, а мифические существа, живущие, по мнению многих, только в книгах.

— Гарпий нынче редко повстречаешь... — мужчина с щетиной усмехнулся. — Нам невероятно повезло.

На лицах этих людей не было и тени доброты — лишь угрюмая, почти звериная маска, искажённая скрытой угрозой. Зловещее молчание, тяжёлое, как свинцовое небо перед бурей, говорило громче любых слов: в нём слышался приговор для беззащитного и холодный расчёт тех, кто привык вершить судьбы. Воздух будто сгустился от напряжения, и даже ветер, скользнувший по двору, казался насторожённым

— словно и он чуял надвигающуюся беду.

А они, поглощённые мрачными замыслами, и не подозревали, что совсем рядом, в углу старого дворца, затаился тот, кого мечтали стереть с лица земли. Иван стоял, прижавшись к шершавой стене, и сквозь тонкую завесу светлых волос наблюдал за врагами. Его взгляд, острый и беспощадный, будто метал невидимые кинжалы, готовые поразить каждого, кто посмел угрожать его миру.

Глаза Ивана, бездонные и сверкающие, напоминали океан в час шторма: в них бушевали волны ярости, переливаясь оттенками гнева и боли. В этом взгляде не было детской растерянности — только твёрдая, почти взрослая решимость. Такая глубокая ненависть была редкостью даже для закалённых жизнью людей, не то что для мальчика его возраста. В тот миг Иван словно перешагнул границы привычного: страх отступил, уступив место холодной, звенящей ярости, в которой смешались обида, горечь предательства и отчаянное желание защитить то, что ему дорого.

Он едва заметно стиснул кулаки, чувствуя, как ногти больно впиваются в ладони. Иван не сводил глаз с противников, ловя каждое слово, каждую интонацию, чтобы разгадать их план. Сердце колотилось где-то у самого горла, но он не позволял себе дрогнуть. Пусть они считают его беззащитным ребёнком. Сегодня он должен доказать, что способен дать отпор.

— Ладно, давай, дружище! Мне нужно наведаться к моей

супруге, Агате, — сообщил шатен и, махнув рукой на прощание, удалился в сторону трапезной. Он не заметил маленького ребёнка, который, словно загнанный зверёк, стоял в тени коридора и исподлобья наблюдал за ним.

Оставшись наедине с собой, Иван застыл, точно скованный стужей истукан. Его взгляд стал ледяным, немигающим, а зрачки будто выцвели до рыбьей мути, подёрнутой смертной плёнкой.

Иван был одет в белую рубаху с красными заплатками, чёрные штаны и коричневые сапоги без каблука. Если взглянуть на него мельком, вряд ли сразу поймёшь, кто стоит в углу. Светлые волосы в полумраке казались припорошёнными сажей, а глаза, обычно напоминавшие чистое голубое небо, потемнели на несколько оттенков. Сейчас он выглядел как бунтарь, готовый перевернуть привычный порядок вещей.

Маленький царь и подумать не мог, что когда-нибудь сможет так презрительно и яростно смотреть на человека, которому его родители доверяли всецело. Никогда прежде он не ощущал столько ненависти и отвращения. Эти потаённые чувства, въевшиеся в душу, словно масло в белую шёлковую скатерть, душили его, давили на грудь.

Услышав достаточно, Иван решил так же тихо, как и пришёл, исчезнуть. Направляясь к покоям, он скривил губы и сморщил нос. Его искажённое лицо выражало не просто раздражение — оно напоминало устрашающий оскал агрессивной дворовой собаки. Крепко прикусив губу изнутри, маль-

чик издал тихое рычащее ворчание. Глаза заволокла пелена гнева.

Не осознавая своих действий, ноги сами вели его по коридорам дворца, сворачивая к комнате, где, как было приказано Иваном, тихо сидел его младший брат.

В глубине души юный царь сейчас хотел лишь одного — оказаться рядом с любимым и единственным оставшимся в живых человеком.

— Братец! — тихо отозвался Юра, когда Иван показался в дверном проёме.

Старший брат внезапно повернулся и увидел испуганного малыша, застигнутого врасплох. Мальчик нервно вздрогнул, реагируя на неожиданную резкость в движениях Ивана.

Блондин закрыл за собой дверь и робко приблизился к младшему брату.

— Ты напряжён, — сказал Юра, заметив состояние Ивана.

— Всё в порядке. Я просто устал.

— Знаю. А ещё я знаю, что так говорят люди, которые не хотят показаться слабыми... — Маленький мальчик робко опустил взгляд больших глаз и принялся рассматривать свои пальцы. — Ты говоришь так только для того, чтобы я не переживал?

— Юр...

— По тебе видно. Ты всегда ходишь серьёзный и никогда не улыбаешься. Я тебя не узнаю.

— Брат... — начал было Иван, но младший прервал его:

— Ты таким стал после маминой смерти.

Эти слова, сказанные без злого умысла, пронзили старшего брата насквозь. При виде младшего, не ведающего, какой эффект произвели его слова, Иван внутренне содрогнулся, осознавая горькую правду.

— Настоящее перед нашими глазами таково, что порой хочется закрыть их и никогда не открывать. Но мы-то с тобой знаем, верно, что не всё так плохо? — Блондин неловко улыбнулся, взглянув на Юру.

Хотелось сказать ещё что-то, но слова замерли на кончике языка, так и не сложившись в полные предложения. Они остались вкусом недосказанности, потерявшись на полпути. Осознавая, насколько нелепо он сейчас выглядит, Иван почувствовал, как уголки губ медленно опускаются вниз.

Оба брата, сидя на большой роскошной кровати, погрузились в тяжёлое молчание. Оно легло на плечи неподъемным грузом, оседая где-то глубоко в горле.

*Мы с тобой, как два бойца,
Что в жизни света не видали,
Но узрев во тьме светца
Мы смысл жизни потеряли*

*Идём впредь сквозь бурелом,
Хоть каждый шаг даётся больно,
Но верить мне лишь остаётся,*

Что мы прорвёмся с кулаком.

*Пусть ветер свищет нам вослед,
А дождь стучит слезою горькой,
Ведь вместе легче выдержать завет
И зашагать на яркий свет.*

*И пусть судьба бросает нам преграды,
Решимся мы преодолеть их смело,
Нам светит впереди одна звезда,
Что зовёт идти навстречу к цели.*

Иван, нарушив тишину, прочёл своё стихотворение — и вновь поднял глаза на младшего брата. В его взгляде теплилась робкая надежда: вдруг эти строки хоть немного приободрят Юру.

— Красивое, — преодолев смущение, тихо произнёс младший.

— Оно про нас с тобой. Как тебе? — с хитринкой, словно проказливый лисёнок, уточнил Иван.

— Уже сказал, что красиво. Чего ещё надо? — слегка обиженно, но по-доброму буркнул Юра.

— Знаю, знаю. Прости.

— Зачем вообще рассказал?

— Просто захотелось, — старший непринуждённо пожал плечами. — Я хотел донести до тебя одну вещь: пока мы есть

друг у друга, никакие невзгоды нас не сломят. Я не мастер красивых слов, но точно знаю: семья — это опора.

Юра взглянул на брата и вдруг залился звонким, по-детски беззаботным смехом.

— Ты говоришь прямо как мама.

— Правда? — Иван возбуждённо подпрыгнул, потом неловко почесал затылок и расплылся в глуповатой, но искренней улыбке.

— Иногда мне кажется, что старший тут вовсе не ты, — поддразнил Юра.

— Эй! — возмутился Иван, но в голосе не было настоящей обиды.

— Вот мы и на месте.

Двое мужчин бесшумно вошли в спальню и, едва сдерживая ликующие ухмылки, уставились на необычную картину.

— Двух зайчиков — одним махом, — тихо пробормотал один, лукаво прищурившись при виде двух мальчишек, мирно спавших на большой кровати.

— Вот это везение, так везение, — прошептал второй, едва не хохоча от восторга.

Они подошли ближе и вгляделись в умиротворённые лица спящих детей. Старший из злоумышленников приложил палец к губам, призывая к тишине. Младший кивнул и, вытя-

нув руки, потянулся к Ивану. Резким, отточенным движением он схватил мальчика за талию и плотно зажал ему рот ладонью — чтобы тот не успел вскрикнуть. Затем начал осторожно стаскивать его с кровати.

Иван очнулся мгновенно — и забился, словно птица, угодившая в силки. Он пытался ударить похитителя, вцепиться в него, заставить ослабить хватку. И только через мгновение осознал страшную правду: Юру уже выносили из покоев — бессознательного, беззащитного, с поникшей головой.

— Юра! — пронзительно выкрикнул Иван, будто надеясь, что брат услышит, очнётся, ответит. — Отпустите меня, уро-ды!

Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Паника накрыла его удушливой волной. Он извивался, как змея в капкане, рвался из железных объятий, царапался, бил ногами, тянулся руками к брату — хоть бы коснуться, хоть бы вернуть. Его маленькие пальцы впивались в грубую кожу похитителя, ногти скользили по волосатой руке, тело выгибалось в отчаянной попытке вырваться. Каждая мышца дрожала от напряжения, от ужаса перед тем, что вот-вот случится. Глаза были широко распахнуты — в них плескались страх, ярость и непролитые слёзы.

Грудь тяжело вздымалась, дыхание стало прерывистым, рваным, а сердце стучало бешено, в ритме дикого, отчаянного скерцо. Кровь гулко пульсировала в ушах, заглушая все остальные звуки. Он дёргался, брыкался, изгибался — делал всё, чтобы вырваться из этих безжалостных оков.

— Заткнись! — рявкнул мужчина, и его голос, грубый и хриплый, раскатился по комнате, как удар грома. В нём звучала не просто злость — в нём была холодная, беспощадная решимость сломать волю мальчишки, заставить его умолкнуть навсегда.

Терпение похитителя лопнуло. Лицо исказилось от ярости, в глазах вспыхнул ледяной, безжалостный огонь. Рез-

ким, выверенным движением он ударил Ивана по сонной артерии — точно, расчётливо, так, как бьют те, кто не раз лишил людей сознания.

Тело мальчика обмякло. Веки затрепетали, мир вокруг начал стремительно тускнеть, растворяясь в серой дымке. Сознание ускользало, но в эти последние мгновения, пока тьма ещё не поглотила его целиком, в голове Ивана проносились острые, болезненные, словно осколки стекла, мысли. Он проклинал себя за невнимательность, за роковую ошибку, которая теперь могла стоить жизни самому дорогому человеку на свете. Вина давила на грудь тяжёлым камнем: именно из-за него пострадает Юра — добрый, доверчивый, незащищённый.

Перед внутренним взором мелькали жуткие картины: Юра в цепких руках торговцев на чёрном рынке, его глаза, полные ужаса, когда его будут заталкивать в тёмный фургон... А его самого, царя, ждёт иная, не менее страшная участь: его бросят на растерзание гарпиям, и хищные когти сотрут с лица земли саму память о нём.

— Прости, Юра... — беззвучно прошептал он. Эта мысль, полная отчаяния и горечи, на мгновение удержала его на грани сознания — а потом тьма окончательно сомкнулась над ним.

Глава 2

Не человек

Чувства возвращались медленно, будто пробираясь сквозь густой туман. Сознание Ивана прояснялось по крупинцам, и с каждым мгновением реальность обретала всё более чёткие очертания. Его тело, тяжёлое, словно налитое свинцом и окаменевшее, лежало на сырой траве. На листьях только-только начала оседать прохладная роса, и её капли, похожие на крошечные жемчужины, поблёскивали в первых лучах рассвета.

Веки, будто чугунные, с трудом поднимались и снова опускались, сопротивляясь воле хозяина. Небо над ним раскинулось пронзительно-синим полотном, а лес вокруг замер в предрассветной тишине. И вдруг, словно удар молнии, пришла полная осознанность — резкая, оглушающая, заставляющая сердце забиться в бешеном ритме.

Иван рывком вскочил с земли — и в тот же миг ощутил, как по коже, под одеждой, ползут сотни крошечных ножек. Охваченный паникой, он принялся неистово биться о шершавые стволы деревьев и кататься по траве, словно обезумев, пытаясь стряхнуть с себя непрошенных гостей. Но чем сильнее он метался, тем активнее шевелились насекомые, а вско-

ре их укусы стали жалить кожу, будто раскалённые иголки. Боль смешивалась с отвращением, заставляя кровь стынуть в жилах.

Собрав остатки воли в стальной кулак, Иван рванулся вправо, не разбирая дороги, ведомый единственной мыслью — найти воду. Хоть какой-нибудь ручей, озеро, лужу — всё, что смоет с него эту живую мерзость.

Под ногами хрустели сухие ветки, острые сучки, торчавшие из стволов, норовили впиться в лицо, распороть кожу, выколоть глаза. Лес будто восстал против него, цепляясь за одежду, хватая за ноги, стараясь удержать в своей тёмной ловушке. Воздух, густой и влажный, тяжело оседал в лёгких, а каждый вдох отдавался горечью и пылью.

И вдруг — проблеск синего. Мимолётный, едва уловимый, но такой желанный, что сердце на мгновение замерло, а потом забилось с новой силой. Словно птица, вырвавшаяся из тесной клетки, Иван, не раздумывая, бросился вперёд, напролом, сквозь колючие ветви и цепкие стебли.

С каждым шагом чувство свободы и облегчения нарастало, разливаясь по венам горячим потоком. Ещё немного — и вот оно: перед ним открылась небольшая лесная заводь. Вода рябила глубокой синевой, маня прохладой и спасением. Не останавливаясь ни на миг, Иван влетел в воду, утопая с головой, смывая с себя страх, боль и липкое ощущение чужого присутствия. Он погрузился, как ложка мёда растворяется в чае, не замечая при этом одного завсегдатая этого места.

Вынырнув, он жадно глотнул воздух — и впервые за долгое время почувствовал, что снова может дышать.

— Дьявол! — не сдержавшись, выкрикнул Иван. Яростный возглас эхом прокатился над тихой гладью заводи, спугнув стайку мелких птиц у берега.

Он яростно тёр кожу руками, дёргал ногами, пытаясь стряхнуть с себя ползающих членистоногих, чьи лапки всё ещё противно щекотали тело, вызывая волну мурашек и тошнотворного отвращения.

Спустя считанные секунды поверхность воды уже пестрела вещами: рубашка, штаны, носки и даже ботинки — всё оказалось сброшено в воду. Ткань медленно кружилась в лёгком водовороте, словно тёмные лепестки, уносимые течением. Каждая волна, поднятая резкими движениями его рук, будто смывала не только насекомых, но и сам ужас последних минут. Капли воды, стекавшие по лицу, шее и плечам, охладили разгорячённую кожу, стирая липкое ощущение укусов и даруя долгожданное облегчение.

Иван ловил взглядом каждое насекомое, что беспомощно барахталось на поверхности воды, и в эти мгновения даже эта мелкая победа казалась ему триумфом. Каждое движение, каждый всплеск были подчинены одной цели — избавиться от мучительных вредителей, стереть с себя следы их прикосновения.

Постепенно паника отступала, сменяясь чувством освобождения. Вода, прохладная и чистая, стала его спасением.

Иван глубоко вдохнул, ощущая, как напряжение покидает мышцы, а дыхание выравнивается. Он чувствовал себя заново рождённым — свободным, чистым, живым. Прохладная вода ласкала кожу, смывая не только грязь и насекомых, но и страх, сковывавший его всё это время.

Он откинул мокрые волосы с лица и на мгновение замер, прислушиваясь к тишине леса, нарушаемой лишь плеском воды и криками далёких птиц. В этот миг ему казалось, что худшее позади.

Но, погружаясь в спасительную прохладу и предаваясь короткому чувству покоя, Иван не замечал, что рядом за ним пристально следят два вороньих глаза — ярко-синих, неестественно сияющих, будто подсвеченных изнутри. Очи были холодными, изучающими, и в них не было ни капли сочувствия.

Стремительный, пронизывающий взгляд будто впился в спину, заставляя кожу покрыться мурашками. Краем глаза Иван уловил чёрное пятно — оно мелькнуло на границе видимости, словно тень, отделившаяся от сумрака леса. Охваченный безотчётным ужасом, он резко обернулся — и застыл, не в силах вымолвить ни слова.

Перед ним, наполовину скрытое водой и густыми зарослями камыша, стояло существо, каких он прежде не встречал даже в самых жутких снах.

Сердце Ивана подпрыгнуло к горлу, и, не помня себя от страха, он попятился, ступая по склизким водорослям всё дальше в водоём. Под ногой что-то хлюпнуло, дно предательски ушло из-под ног, и он, издав пронзительный визг, неуклюже плюхнулся в воду. Тягучая, вязкая жижа тут же сомкнулась вокруг лодыжек, затягивая его в трясину.

— Ты кто? — выкрикнул Иван; голос его дрожал, срываясь на хрип. Незнакомец — если это вообще можно было назвать человеком — заставил его чуть ли не выпрыгнуть из кожи.

— Водяной?

Существо медленно, с нарочитой неторопливостью распрямило спину — движение вышло одновременно грациозным и пугающе величественным. Его взгляд, холодный и выскомерный, скользнул по Ивану, словно оценивая не более чем досадный пустяк, случайно забредший на запретную территорию.

От этой надменности в груди Ивана вспыхнула острая, почти обжигающая неприязнь. Он, юный царь, привык сам смотреть на людей с высоты своего положения, и мысль о том, что кто-то смеет взирать на него сверху вниз, была невыносима. Это посягательство на его достоинство жгло сильнее, чем недавние укусы насекомых, разъедаая гордость, и без того потрёпанную испытаниями.

— Отвечай мне, я приказываю! — голос Ивана сорвался на крик, резкий и звонкий, как удар хлыста. Он вскинул голову, стараясь выглядеть грозно, хотя сам не осознавал, насколько нелепо и уязвимо смотрится сейчас: мокрый, перепачканный тиной, по пояс увязший в трясине. Перед ним стоял хищник — древний, чуждый, смертельно опасный, — а он, словно забыв об опасности, требовал повиновения.

— Представься, убийца! Или ты настолько низок, что даже имени своего не достоин?

Гарпия невольно приподняла чёрные брови, а взгляд стал более проницательным.

— Грубо, Ваше Менъшинство, с вашей стороны вели-

чать неизвестного человека душегубом, — юноша выражался изящно, слова звучали отчётливо и ясно. В его речи сквозило явное осуждение в адрес Ивана.

— Да как ты смеешь, я царь! — вскочив, словно разъярённый волк, Иван встал и оскалился. Вода от его движений пошла рябью и начала стекать с нагого тела.

Лицо существа обрамляли сверкающие капли воды — они дрожали на коже, словно крошечные алмазы, и при каждом едва уловимом движении срывались вниз, разбиваясь о поверхность болота мириадами искр. Тело его было покрыто перьями — разными по размеру, форме и плотности: крупные, жёсткие перья, похожие на лезвия, чередовались с мягкими, будто шёлковыми пушинками, создавая причудливый, почти неземной узор.

Чёрные отростки, выступавшие вдоль плеч и спины, завораживали взгляд своей странной, хищной красотой. Особенно когда косые лучи солнца касались их поверхности — тогда перья вспыхивали то глубоким синеватым, то таинственным фиолетовым оттенком, словно впитали в себя цвета сумерек и грозовых туч. Это мерцание было настолько притягательным, что Иван на мгновение забыл даже о трясине, медленно затягивавшей его вглубь: он не мог оторвать глаз от этой неестественной, но поразительно гармоничной палитры.

Волосы существа были короткими, словно наголо подстриженными, но густыми и жёсткими. Они подчёркивали

резкие, угловатые черты лица. В них тоже играли отблески света, добавляя облику существа ещё больше загадочности.

— Вы маленький... — произнёс незнакомец.

Иван, наконец оторвав взгляд, посмотрел на него широко раскрытыми глазами и смутился.

— А ну, не смотри на меня!

— Вы ещё ребёнок, — глаза гарпии будто бы смягчились, но в них осталось всё то же осуждение. — А детям людей лучше не гулять далеко в лесу.

— И что, убьёшь меня, съешь? Крикнешь своим собратьям, и вы меня, как телёночка, съедите на завтрак? — кричал Иван грозно и озлобленно. — Да и сам ты ещё молод.

Пернатый юноша без особого интереса поглядывал на блондина, продолжая внимательно оглядываться вокруг и сохраняя бдительность.

— Не кричите! Я не ем людей и не планирую заниматься этим ближайшие три сотни лет.

— Значит, спустя три века всё-таки начнёшь? — не успокаивался парень, продолжая громогласно обвинять собеседника.

— Нет! — разгневался юноша и рывком приблизился к человеку, схватив того за челюсть левой рукой и притянув к себе. — Вы совершенно не представляете, кем являются подобные мне, вам существа, поэтому не раскрывайте свой рот в мой адрес с лживыми обвинениями про мой народ.

Глаза того горели ярым негодованием и белой злобой.

Форменные чёрные брови грозно сошлись на переносице, а губы скривились в страшном оскале. Два белых ряда острых, как лезвие, зубов обнажились перед маленьким блондином и сверкали, словно жемчуг. Темноволосый тяжело и грозно дышал, а из его уст изредка вырывалось рычание. Он грозно смерил Ивана высокомерным взглядом, пресекая все попытки вырваться из цепких когтистых лап.

— Вы все монстры! — выкрикнул мальчик, тщетно пытаясь освободиться из рук, казавшихся воплощением самой смерти.

— Почему вы всё время повторяете это? «Монстры, да монстры»... Других, более добрых слов не знаете, Ваше Меньшинство?

— Потому что... Вы убили моего отца! — горячие слёзы потекли по покрасневшимся щекам блондина. — Я не могу назвать вас другим словом, ведь вы убили моего папу, а он ничего плохого в жизни не сделал! Он был хорошим, добрым и благородным. Я не понимаю, зачем вы так поступили.

Вся обида и грусть, что скапливались всё это время внутри царя, превратились в горький ком в горле. По руке гарпии двумя ручьями стекали горячие дорожки слёз — воплощение всех чувств, что не нашли покоя внутри мальчика.

Ярко-синие глаза существа поутихли, увидев перед собой слабого и уязвимого ребёнка. Он отпустил Ивана и встал чуть поодаль.

— Перестаньте плакать, Ваше Меньшинство! — спокойно

сказал юноша. — Слезами горю не поможешь.

— Я знаю, — зажевав нижнюю губу, пробормотал блондин, вытирая слёзы и нос рукавом.

Они стояли молча у края водоёма, погружённые в глубокую тишину. Один неподвижно смотрел перед собой, пытаясь собраться с мыслями: его дыхание постепенно замедлялось, плечи опускались, а бушевавшее до сих пор напряжение медленно уходило из тела. Второй стоял рядом, чуть склонив голову набок, и всё никак не мог унять слёзы.

— Меня Джафаром звать, — после минутного молчания произнёс темноволосый.

Между двумя юношами вновь повисла удушающая тишина. Пернатый парень, сначала спокойный, а после смущённый сложившейся ситуацией, нервно переминался с ноги на ногу и растерянно теребил пальцы, чувствуя, как лицо заливает горячий румянец.

Гнетущую атмосферу прервал звонкий смех Ивана.

— Ты почему засмеялся? — спросила гарпия, чьи перья слегка вздулись от неловкости.

Джафар стоял, погрузившись в свои мысли, внешне невозмутимый и спокойный. Но смех Ивана — чистый, искренний, искрящийся радостью — что-то сломал внутри существа. Сначала брюнет едва заметно улыбнулся уголком губ, затем невольно приподнял бровь, удивляясь собственному отклику на этот незамысловатый звук. Вскоре, услышав новые всплески веселья, улыбка стала шире, губы сами

собой растянулись, и тихий смешок вырвался наружу, быстро переросший в добродушный хохот.

— Хватит уже, — совладав с собой, Джафар перестал потакать блондину.

— Прости, прости, — вытирая с лица уже слёзы радости, парировал Иван.

— Я серьёзно.

— Знаю.

Атмосфера между человеком и гарпией переросла в более мирную. Лёгкая улыбка играла на губах обоих, рождая тихое удовлетворение и спокойствие.

— Джафар... — как бы смакуя на вкус имя приятеля, повторил блондин. — Необычное имя.

— А самого как звать?

— Иван. Иван Васильевич.

— Васильевич? Это зачем? — недоумевая, переспросил пернатый.

— Это отчество, — пояснил парень. — Так у нас принято: если не хочешь, чтобы к тебе обращались на «ты», можно обратиться по отчеству.

— Странно и сложно.

— Согласен, но это у нас принято.

— Вы, люди, всегда что-то придумаете — хоть стой, хоть падай. У нас проще... — устало объяснил Джафар.

Царь неловко кивнул. Наконец у него появилась возможность лучше рассмотреть своего собеседника.

Короткие тёмные волосы, плотно прилежавшие к голове, открывали проблески кожи. Глубокие синие глаза, подчёркнутые резкими, словно нарисованными тушью стрелками, смотрели пронзительно, будто видели не только тело, но и самую суть души. Пухлые губы, чуть изогнутые в намёке на усмешку, придавали лицу странное, почти противоречивое выражение: в нём одновременно читались и угроза, и некая отстранённая усталость.

Тело существа было покрыто перьями — они ложились слоями, как тщательно подобранные доспехи, переливаясь при малейшем движении то стальным, то иссиня-чёрным, то призрачно-фиолетовым. Пернатая броня не скрывала, а скорее подчёркивала его стать: он был подтянутым, в меру упитанным, но при этом высоким настолько, что, даже стоя по пояс в воде, возвышался над Иваном, словно тёмная скала посреди болота.

При внимательном взгляде становилось заметно, как под перьями проступают очертания крепких мышц — особенно на животе, где рельеф был чётким, словно высеченным из камня. На руках, длинных и жилистых, выделялись удлинённые ногти — не звериные когти, но и не человеческие: острые, полупрозрачные, с тем же синеватым оттенком, что и перья.

С каждым мгновением страх Ивана смешивался с нарастающим изумлением: перед ним стояло не просто создание из ночных кошмаров, а нечто, существующее по своим,

древним законам. И чем дольше он смотрел, тем яснее понимал: если раньше он думал, что самое страшное — это насекомые, то теперь осознавал — настоящая опасность таилась именно в этом существе, в его ледяном спокойствии и в том, как легко оно могло одним движением решить, жить Ивану или исчезнуть без следа.

— Ты кто такой? — задал вопрос мальчик, когда тишина вновь стала тягостной.

Голова Джафара чуть склонилась набок, подбородок оперся на ладонь, локоть прижался к груди. Тело немного наклонилось вперёд, выражая сосредоточенность и интерес. Брови слегка нахмурились, подчёркивая напряжённость мыслительного процесса.

— Наверное... Гарпия? — тот пожал плечами.

Светлая бровь Ивана приподнялась в знакомом движении вопроса. Паренёк бросил внимательный взгляд на крылатого спутника, ясно давая понять, что хочет услышать от него более развёрнутое пояснение.

— Я как бы знаю это. На кота ты не похож, да и на волка тоже.

— Я не очень разбираюсь в том, кто я есть. Просто живу и живу, — он отвёл взгляд. — Разве нужно что-то большее, чтобы просто существовать?..

— Я понял. Извини что спросил.

— Всё нормально, — успокоил его темноволосый и слегка взмахнул руками перед собой.

Иван усмехнулся, но воспоминания о ситуации в царстве вновь омрачили его лицо.

— Прости, но мне пора уходить, — произнёс он, и его плечи опустились, словно на них внезапно обрушилась тяжесть огромного камня — тяжесть, в которой странным образом переплелись и вес слона, и невесомость лёгкого пёрышка.

— Что-то случилось?

— Да... Мои ненавистники хотят забрать у меня место на престоле. А ещё брата моего на чёрный рынок увезли. Хотят заработать, да побольше, но я им этого так просто с рук не спущу.

— Брата?

— Да. Моего младшего брата.

— Давай я помогу! — живо откликнулся Джафар. — Я прекрасно понимаю, как важна забота о младшем родственнике, и представляю, какая горечь охватывает душу, если беда коснётся его.

— Разве...

— У меня есть сестра. Она на пять лет младше меня.

Иван, быстро подсчитав в уме, понял, что случайно приписанный им пернатому парню возраст совершенно не сходится.

— Разреши поинтересоваться: сколько лет ты уже живёшь здесь? — недоуменно спросил блондин, указывая на лес вокруг.

— Я провёл в этих краях всю свою жизнь — с самых пер-

вых воспоминаний, а недавно перешагнул рубеж в восемнадцать лет. Хотя, если честно, эта цифра звучит как что-то чуждое, почти бессмысленное в моём мире. Для гарпий возраст — не более чем условность, тонкая грань, которую легко стереть из сознания. Наше бессмертие выхолащивает само понятие времени: годы текут мимо, не оставляя на нас привычного отпечатка, не сковывая ни тяжестью прожитого, ни страхом грядущего. Мы не считаем дни, не отмечаем перемены — ведь для нас время не властно над сутью, и порой кажется, что сама вечность шепчет нам: «Зачем тебе помнить, сколько их было?»

— Ох... То есть вы неуязвимы?

— Нет, конечно, нет! Просто я ещё не видел, чтобы у нас кто-то умирал. Я рад этому, тут ничего не скажешь. Просто... я, похоже, сболтнул лишнего.

— Не переживай! Этот секрет уйдёт со мной в могилу! — с горячностью воскликнул Иван и, широко улыбнувшись, вытянул мизинец, словно скрепляя слова нерушимой клятвой.

Этот простой, почти детский жест лишь сильнее разжёг любопытство Джафара. Его густые брови изогнулись в выразительном вопросе, а голова чуть склонилась набок — так, будто перед ним развернулась загадка, которую непременно нужно разгадать. В тот миг он напоминал настороженную птицу, замершую и прислушивающуюся к едва уловимому шороху. В глазах юноши читалась целая буря вопросов, но

он сдерживал их, лишь изредка вздыхая, словно боялся спугнуть момент.

Взглянув на царя, брюнет на секунду запнулся: тот смотрел выжидающе, будто надеялся, что Джафар сам догадается о смысле ритуала. Но по растерянному взгляду юноши было ясно — он понятия не имеет, что означает этот жест. В его мире, где клятвы скрепляли кровью или печатью, такой знак казался чем-то нелепым и чуждым.

— Я не понимаю... — разочарованно прошептал Джафар, и в этом шёпоте прозвучала не только досада, но и лёгкая обида: будто его исключили из какого-то тайного братства.

— Да тут и понимать нечего, всё просто, — спокойно отозвался Иван, чуть наклоняясь вперёд, чтобы голос звучал доверительно. — Это у нас, в дальних землях, так принято: сцепляешь мизинцы — и слово становится крепче стали. Не магия, не обряд, а просто знак, что ты держишь своё обещание. И знаешь, порой такой пустяк значит больше любых торжественных клятв.

Подхватив когтистую руку приятеля, он быстрым жестом выдвинул мизинец гарпии и сплёл свой и чужой палец вместе.

— Этот жест означает, что я даю своё царское слово и никогда не расскажу твой секрет, — он улыбнулся.

— Спасибо, — на лице темноволосого юноши тоже появилась усмешка.

— А сейчас мне и правда пора возвращаться, — произнёс

блондин, резко развернувшись, но, едва сделав шаг, замер, будто земля под ногами вдруг стала зыбкой. Он неловко переступил с ноги на ногу и, опустив взгляд, тихо, почти шёпотом, добавил: — Ты... поможешь мне выбраться из леса? — в этом вопросе сквозила не только просьба, но и доля стыда: царю было непривычно признаваться в собственной беспомощности.

— А я уж думал, ты так и будешь делать вид, что знаешь дорогу, — усмехнулся Джафар, выходя из воды и накидывая штаны. Его движения были уверенными, почти небрежными, словно он ничуть не смущался своей наготы — в отличие от человека. Джафар остановился, выжидающе глядя на Ивана, и добавил: — Давай, приводи себя в порядок, а потом ступай за мной. Расскажешь по пути, как тебя вообще сюда занесло. Да и про дела в твоём царстве поведай, если охота поговорить. Иногда чужой рассказ помогает прогнать липкий холод из костей — а тут, среди этих деревьев, он будто пропитывает всё насквозь.

Иван натягивал одежду молча, стараясь не поднимать глаз. Его пальцы слегка дрожали — то ли от прохлады, то ли от напряжения, сковавшего всё тело после пережитого. Джафар тем временем исподтишка наблюдал за ним, искренне недоумевая: почему блондин даже не взглянул на его нижнюю половину, не задал ни единого вопроса о странностях его облика? Гарпия привыкла, что люди при первой же встрече тарашатся на её когти, крылья, хвост — на всё, что

делало её непохожей на них. А этот царь будто нарочно избегал смотреть туда, где, по всем законам любопытства, должны были вспыхнуть самые жгучие вопросы. И от этого молчания становилось даже немного не по себе — словно он видел в ней не диковинку, а просто спутника, которому можно довериться.

— Мама говорит, что держать всё в себе плохо. Люди, когда им плохо, выглядят как репейники, и ты не исключение. Лучше кому-то выговориться, и тогда на душе станет легче.

— А почему именно репейники? — подходя ближе, поинтересовался уже одетый мальчик.

— Не знаю. Возможно, из-за того, что они колются и выглядят недоступными, — он уловил вопрос в глазах юнца и поспешил ответить. — Ты точь-в-точь как он. Вон, волосы в разные стороны — как колючки, да и сам ты не очень доброжелательный, если судить по виду.

— Ясно...

— Ну так что, расскажешь?

Иван помолчал, собираясь с мыслями, но потом заговорил.

— Всё началось с моего отца...

Глава 3

Удавшаяся месть

— Сочувствую, — тихо вымолвил темноволосый, когда Иван закончил рассказывать свою историю.

От двоих путников, шагавших вдоль мрачных стволов, почти сливающихся с ночной тьмой, доносились лишь голоса — то тихие, то вдруг вспыхивающие смехом или резким восклицанием. Они болтали обо всём подряд: о пустяках, о давних воспоминаниях, о вещах, которым, казалось, и вовсе не место в серьёзном разговоре. И в этом непринуждённом потоке слов таилась особая магия: тайны, прежде окутанные непроницаемой завесой, теряли свою грозную силу.

Ещё недавно секреты королевства считались настолько опасными, что одно лишь упоминание о них могло стоить придворному или слуге головы. Теперь же они слетали с языка Ивана с такой лёгкостью, что даже невесомое гусиное пёрышко позавидовало бы этой непринуждённости. Он рассказывал о скрытых ходах и потайных дверях, о подвалах, где годами копилась пыль, о чердаках, куда никто не решался подниматься, о комнатах, не отмеченных ни на одной карте, и о лабораториях, где когда-то творились дела, о которых лучше было не знать.

Но не один царь изливал душу. Джафар, поначалу сдержанный и настороженный, тоже начал приоткрывать завесу над своей жизнью. Он делился историями о ночных полётах над спящим лесом, о том, как ветер поёт среди ветвей, и о древних преданиях, которые гарпии передавали из поколения в поколение. В его рассказах оживали тени прошлого, и даже самые мрачные уголки его мира обретали краски и голос.

С каждым новым словом между ними росла невидимая связь — та, что рождается не из родства и не из долга, а из простого, человеческого и не совсем человеческого доверия. И лес, который ещё недавно казался враждебным и полным угроз, теперь будто прислушивался к их разговору, словно и ему было любопытно узнать, чем закончится эта странная дружба.

— У гарпий нет как такового взросления. Есть только год-два на рост тела после рождения, — объяснял Джафар.

— То есть у вас нет периода младенчества или ребячества? Например, такого, как у меня?

— Нет, но вообще у всех по-разному. У меня не было проблем со взрослением: уже к четырём годам я вполне осмысленно мыслил и достигал примерно половины отцовского роста. Моя сестра на данный момент выросла только на сто шестьдесят лепестков.

— А ты какого роста? — спросил Иван, глядя на мальчика, который казался очень высоким.

— Я — сто восемьдесят листов ровно, — монотонно ответил юноша.

— Сколько? — изумлённо распахнул глаза блондин. — Ты в восемнадцать лет имеешь рост сто восемьдесят сантиметров?!

— Да, верно. Как я и говорил ранее, мы живём долго, но растём стремительно.

— Понял, понял... Только вот я в тринадцать лет — сто сорок пять сантиметров и даже представить себе не могу, как вам живётся с таким ходом вещей. Это же такая нагрузка на организм, да и мозгу тоже приходится нелегко.

— Мне нелегко признавать это вслух, но природа наделила нас животными инстинктами ещё при рождении, — тяжело выдохнув, продолжил собеседник. — Важно заранее подготовиться ко всяким неожиданностям. Подобно жеребятam, которые поднимаются на ноги почти мгновенно после появления на свет, именно эта способность помогает им выжить. Наш случай похож.

— А родители помогают?

— Конечно. Заботятся, поддерживают, проявляют любовь, но наша врождённая сущность неизменна. Такова жизнь.

— Спасибо, что поделился этими мыслями.

— Не за что. Решил, что тебе полезно это услышать.

Скрытая улыбка легла на губы Ивана, и он отвернулся от приятеля, который после начал рассказывать об истории

природы вокруг.

Они шли по узкой лесной тропинке, погрузившись в спокойную тишину первозданной природы. Закатные лучи робко пробивались сквозь плотную завесу высоких крон, отбрасывая таинственный полумрак на покрытые травой дорожки. Они шли долго, но вскоре добрались до обители царских особ. Цитадель была пышной и богатой.

Заходящее солнце освещало каждую стену, оконную раму и дверь, словно те вмиг окрасились в осенний цвет. Дикий виноград, что расплзся по всему сооружению, был зелёным и пышным. Пять башен ограждали белые стены — величественные и гостеприимные. Вид, открывавшийся с опушки леса, был прекрасным, почти чудотворным.

Мальчик с тёмными волосами непроизвольно открыл рот, увидев эту картину. Глаза его горели, а душа ликовала в лёгком трепете. Не веря своим глазам, он легонько оглянулся на блондина и увидел на его лице полную расслабленность и умиротворённость. Джафар постарался успокоиться и спокойно оценить красоту открывшегося пейзажа.

— Красота-то какая! — искренне отозвался юноша с восторгом и вновь посмотрел на Ивана. Но, заметив отсутствие радости на лице своего спутника, поинтересовался: — Почему такой печальный вид?

— Эх, придётся теперь самому расхлёбывать кашу, которую заварил по собственной опрометчивости... — Иван тяжело вздохнул, и в этом вздохе слышалась не только уста-

лость, но и горькое осознание собственной ошибки. — Надо брата спасать, вернуть престол, захваченный этими коварными интриганами. Они ведь не просто власть взяли — они душу царства отравляют, день за днём подтачивая всё, что строилось веками.

— Не смей так говорить! — резко оборвал его Джафар, и в его голосе прозвучала такая твёрдость, какой Иван раньше не слышал. — Эту кашу мы расхлебаем вместе. Ты не один, слышишь?

— Благодарю, но дела царства касаются исключительно царства, — упрямо повторил блондин, опустив взгляд. Он словно пытался спрятать за этим жестом ту внутреннюю борьбу, что бушевала в нём. — Я не вправе привлекать посторонних посредников вроде гарпий... — он замялся, будто слова царапали горло, но спустя мгновение расправил плечи и добавил уже твёрже: — Даже если речь идёт о... друге.

— Тогда чего мы тут стоим, словно ждём, пока буря сама утихнет? — Джафар приложил левую руку к подбородку, на мгновение застыв в раздумье, а потом его лицо озарилось, будто он наконец поймал ускользавшую мысль. — Вспоминается ваша мудрая поговорка: «Друг познаётся в беде». Вот оно! Значит, сама судьба послала мне знак — помогать тебе и твоему брату. Не могу стоять в стороне, когда друг в беде. Это было бы... недостойно.

— Если хочешь, считай так, — тихо произнёс Иван. В его глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность, смешан-

ную с тревогой. — Но знай: ты волен отказаться в любую минуту. Я не стану держать тебя словом или долгом.

— Хватит так говорить! — снова вспыхнул Джафар, на этот раз в его голосе звучала обида. — Я достаточно горд, чтобы нести ответственность за свои слова. Если сказал, что помогу, — значит, помогу. До конца.

Иван долго смотрел на него, будто пытаясь прочесть в его взгляде хоть тень сомнения. Но в глазах гарпии не было ни страха, ни колебаний — только решимость и искреннее желание быть рядом. Наконец царь едва заметно кивнул, словно принимая не просто помощь, а нечто большее — союз, скреплённый не клятвами, а взаимным уважением.

— Ладно, пусть будет так, — произнёс он уже спокойнее, и в его голосе впервые за долгое время прозвучали нотки надежды. — Однако сначала надо составить подробный план действий. Нельзя бросаться в бой очертя голову — на этот раз ошибки нам не простят. Нужно всё продумать: каждый шаг, каждую возможную ловушку, каждый вариант развития событий. Пусть у нас мало времени, но действовать будем с умом.

В свете луны царские хоромы возвышались над мрачным лесом, словно застывшие статуи. Их высокие крыши башен терялись среди ночной дымки и мрака, а белые стены отра-

жали холодные отблески звёзд. Ночь была тихой и спокойной: лишь ветер шелестел листьями деревьев, а где-то вдали ухала сова.

Двое друзей осторожно приблизились к замку, стараясь ступать тихо и незаметно. Их сердца стучали в унисон — громко, отчаянно. Страх перед неизвестностью смешивался с любопытством и желанием наконец разобраться с проблемами в царстве. Один из них нёс факел, свет которого едва пробивался сквозь тьму ночи; другой шёл сзади и оглядывался по сторонам.

Они подошли к царским воротам и отворили их. Дверь, поддавшись напору Ивана, закрипела, словно раненый медведь. Поёжившись от неприятного звука, мальчики вошли внутрь.

Внутренность встретила их звенящей тишиной и полумраком, который хоть немного, но напоминал им о существах из мифов. Каменные полы были покрыты тонким слоем пыли — явный признак халатности придворных слуг. Земля в горшках на окнах была сухой, а запах, стоявший в помещении, больше напоминал затхлость старых покоев. Джафар и Иван шли вперёд, внимательно осматриваясь вокруг. Они миновали длинный коридор, украшенный картинами и полотнами, переступили порог и оказались в узком коридоре, который вёл вглубь помещения.

— Жутковато у тебя здесь, — прошептал брюнет, направив свой зоркий взгляд в тёмное пространство впереди.

Здесь царила крошечная темень, и даже слабый свет факела казался почти бесполезным.

— Теперь понимаешь, о чём я всё время говорил... — так же тихо, шёпотом отозвался блондин.

Преодолев изрядный путь от входа до двери царских покоев, друзья наконец остановились. Они замерли, вслушиваясь в ночную тишину коридора: в ней не было ни шороха, ни эха чужих шагов — лишь далёкий скрип разошедшихся половиц да тихий шёпот ветра, пробирающегося сквозь щели в оконных рамах. Убедившись, что погони нет и их до сих пор никто не выследил, Иван тихо толкнул дверь. Она чуть скрипнула и поддалась.

Едва переступив порог, Джафар снова застыл, и его рот невольно приоткрылся — уже, казалось, в сотый раз за этот бесконечный день. Но на этот раз удивление было не от страха или потрясения, а от созерцания величия, в которое он внезапно шагнул.

Комната царя оказалась просторным залом, где каждая деталь кричала о высоком статусе хозяина — но не вызывая, а сдержанно, с достоинством. Высокие сводчатые потолки, подпираемые массивными деревянными балками, были украшены искусной резьбой и позолотой: узоры сплетались в причудливые орнаменты, будто рассказывая немые истории минувших эпох. В лунном свете золото казалось тусклым, почти призрачным, но от этого атмосфера становилась только загадочнее.

Стены, затянутые яркими гобеленами, словно превращали комнату в галерею подвигов. На одних полотнах застыли сцены охоты Василия, отца Ивана: могучие звери, стремительные всадники, напряжённые мгновения перед решающим ударом. На других — библейские сюжеты, исполненные суровой торжественности: строгие лики святых, драматичные жесты, тяжёлые складки одежд. Эти изображения будто наблюдали за вошедшими, храня вековую мудрость и немое осуждение любой слабости.

Окна, украшенные витражами, пропускали холодный лунный свет, который ложился на пол цветными пятнами — синими, пурпурными, изумрудными. Они напоминали осколки какого-то волшебного зеркала, рассыпанные по дорожному ковру ручной работы, сотканному придворной мастерицей. Каждый узор на нём был продуман до мелочей, каждый оттенок — выверен годами труда.

По углам стояли резные деревянные сундуки, окованные металлом и инкрустированные драгоценными камнями. В них хранились не просто вещи, а память: парадные одежды, грамоты, семейные реликвии, письма, которые перечитывали в одиночестве по ночам. Их тяжёлые крышки были украшены гербами и символами, понятными лишь посвящённым.

Но больше всего Джафара поразили не роскошь и не богатство, а те детали, что выдавали в царе живого человека. Среди величественных портретов предков, строгих родовых

гербов и старинных реликвий висели совсем простые вещи — детские рисунки, небрежно закреплённые на стене. На них неуклюже были выведены очертания зверей: медведь с непропорционально большими лапами, олень с ветвистыми рогами, птица, будто застывшая в полёте. В этих наивных линиях таилась такая искренность, что у Джафара вдруг защемило сердце.

— Сам рисовал? — приподняв бровь, поинтересовался пернатый.

— Да, — коротко откликнулся Иван, сосредоточенно возясь с огнём.

— Красиво...

Камин из грубо отёсанного камня служил не только источником тепла, но и сердцем комнаты. Даже сейчас, когда в нём тлели лишь холодные угли, казалось, что он помнит все разговоры, все решения, все клятвы, произнесённые в этих стенах. Его массивная кладка хранила тепло долгих зимних вечеров и отголоски голосов тех, кто сидел у огня до Ивана.

В апартаментах царили прохлада и сырость: влажный воздух оседал на коже липким холодом, пробираясь под одежду. Иван, дрожа от озноба, опустился на корточки перед камином и принялся возиться с огнём. Его пальцы, заледеневшие от долгого пути, плохо слушались, движения выходили неловкими, дёргаными. Он стискивал зубы, стараясь не показывать, как сильно его трясёт, но дрожь выдавала всё.

Однако, испытывая одновременно холод и голод, добить-

ся успеха оказалось крайне непросто. Несмотря на невероятные усилия, Иван остался ни с чем.

— Да пошло оно всё к чёрту! — прорычал блондин, с такой силой стискивая в руках сухие ветки, что побелели костяшки пальцев, а древесина жалобно хрустнула. В его голосе слышалась не просто досада — в нём звенела накопившаяся усталость, раздражение от собственной беспомощности и злость на обстоятельства, которые загнали их в эту промозглую темноту.

Заметив эту внезапную вспышку гнева, Джафар мгновенно оказался рядом. Его движения были стремительными, но не суетливыми: гарпия привык действовать быстро, когда дело касалось выживания. Он окинул взглядом и дрожащего от холода Ивана, и жалкую кучку сыроватых веток, и тусклые угольки, которые никак не хотели разгораться, и тут же, без лишних слов, протянул руку:

— Дай сюда. Я попробую.

Ивану ничего не оставалось, кроме как молча отпустить ветки и отступить на шаг, уступая место у будущего костра. Он стоял, ссутулившись, и смотрел, как Джафар деловито перебирает хворост, отбрасывая слишком влажные куски и подбирая те, что посуше. В груди у царя всё ещё клочкотала обида на самого себя, но рядом с этой спокойной уверенностью вдруг стало чуточку легче дышать.

Тем не менее он даже представить себе не мог, насколько быстро у юноши получится сотворить маленькое чудо.

Не прошло и минуты, как ловкие пальцы Джафара выбили искру. Она упала на заранее приготовленный трут — и вот уже робкий огонёк жадно вцепился в сухую траву, а следом за ним потянулись вверх первые трепещущие языки живого пламени. Они росли, наливались силой, прогоняя тьму и холод, и вскоре вокруг них заплясали тёплые отсветы.

— Как ты это сделал? — восторженно выдохнул Иван, глядя на огонь так, будто видел его впервые. В этом взгляде смешались восхищение, облегчение и детская радость от того, что беда отступила хотя бы на шаг.

Джафар лишь пожал плечами, пряча улыбку в уголках губ. Он заметил тот печальный, чуть виноватый взгляд, который Иван тут же попытался скрыть, и мягко усмехнулся:

— Да я просто делал то же, что и ты. Чуть иначе, вот и всё. — Он помолчал мгновение, а потом добавил, стараясь подбодрить друга: — Ну... Как говорится, новичкам везёт! А у меня просто опыта побольше — столько костров разжигал в лесах, что пальцы сами помнят, как надо.

Иван хмыкнул, но в этом звуке уже не было прежней горечи. Он придвинулся ближе к огню, протягивая к нему окоченевшие ладони, и тепло постепенно начало пробираться сквозь кожу, возвращая ощущение жизни. Пламя трещало, пожирая хворост, и в этом уютном звуке растворялись недавние раздражение и отчаяние.

— Спасибо, — тихо произнёс Иван, не глядя на Джафара, но так, что в одном этом слове уместилось куда больше, чем

просто благодарность за огонь. Это было признание: «Ты меня выручил. И я это ценю».

— Не за что, — спокойно отозвался Джафар, устраиваясь поудобнее и подбрасывая в костёр ещё пару веток. — Теперь главное — не дать ему погаснуть. А пока горит огонь, есть время подумать, что делать дальше.

Свет от камина ложился на поверхности мебели и элементы интерьера, подчёркивая игру теней и света. Воздух, после удачной попытки разжечь огонь, наполнился ароматом древесины и лёгким запахом дыма, создающим уютную атмосферу домашнего тепла.

— Ну что ж... — Иван медленно выдохнул, будто этим вздохом сбрасывал с плеч тяжесть последних часов.

— Да, пора, — твёрдо отозвался Джафар, и в его голосе не было ни тени сомнения.

Они ещё раз прошлись по плану, проверяя каждую деталь, словно ювелир, пересчитывающий драгоценные камни перед долгой дорогой. Иван вносил правки, Джафар подмечал слабые места, и в этом спокойном, деловом обсуждении чувствовалась та особая слаженность, что рождается не сразу, а лишь после испытаний, когда слова становятся короче, а понимание — глубже. Наконец, кивнув друг другу, они закрепили молчаливую договорённость: никаких лишних слов, только действие.

И вот теперь двое друзей, ставших за эти пару дней почти братьями по духу, разошлись каждый своей дорогой. По уго-

вору, Иван оставался в покоях — не из трусости и не из желания отсидеться в безопасности, а потому что именно здесь, в самом сердце дворца, ему предстояло сыграть свою, не менее опасную роль. Он должен был следить за тем, чтобы ничто не нарушило хрупкое равновесие: ни случайный слуга, ни подозрительный шёпот за дверью, ни тень, скользнувшая по коридору. Его задача была — держать оборону и быть готовым подать знак, если что-то пойдёт не так.

Джафар же, бесшумно ступая по узорчатым плиткам пола, двинулся прочь, растворяясь в полумраке дворцовых переходов. Его путь лежал через анфиладу роскошных залов, мимо тяжёлых бархатных портьер и позолоченных дверей, за которыми прятались тайны, способные перевернуть судьбу целого царства. В отличие от Ивана, он мог позволить себе быть незаметным: его крылья, сложенные и прижатые к спине, не мешали проскальзывать в узкие проёмы, а острое зрение гарпии различало малейшие движения даже в густой тьме.

Прежде чем исчезнуть за поворотом, Джафар на мгновение задержался и обернулся. В тусклом свете факела, который Иван держал в руке, черты его лица казались резче, взгляд — сосредоточеннее. Он не произнёс ни слова, но в этом взгляде читалось: «Я вернусь. И мы доведём это до конца». Иван едва заметно кивнул в ответ — этого было достаточно.

Оставшись один, Иван тихо прикрыл дверь и прислонил-

ся к ней спиной, прислушиваясь к тишине. Теперь она казалась ему не безмолвием, а напряжённым ожиданием, густым и тяжёлым, словно воздух перед грозой. Он знал: где-то там, в лабиринте коридоров, Джафар уже скользит от тени к тени, высматривая следы заговора, вдыхая воздух, пропитанный запахом воска, пыли и чужой лжи. Каждый его шаг отдавался в груди Ивана лёгким эхом тревоги — и одновременно надеждой, тёплой и упрямой, не желающей угасать.

Время будто замедлило свой бег. В комнате, где ещё недавно царили уют и тепло живого огня, теперь витала настороженная тишина. Она обволакивала, заставляла вздрагивать от малейшего шороха, но вместе с тем обостряла чувства, делала слух тоньше, а взгляд — зорче.

Иван перевёл взгляд на стол, где лежали свитки с дворцовыми распоряжениями, и на мгновение задумался: не кроется ли разгадка в этих сухих строках, в перечнях поставок, в расписаниях дежурств? Он подошёл ближе, пробежал глазами по строчкам, выискивая хоть малейшее несоответствие, любую деталь, которая могла бы стать ключом. Взгляд цеплялся за даты, имена, цифры — за всё, что хоть немного выбивалось из привычного порядка.

А где-то вдалеке, за толстыми стенами, слышался едва уловимый скрип половиц — то ли сквозняк играл старыми досками, то ли кто-то осторожно крался по коридорам, не подозревая, что за ним уже следят. Иван замер, прислушиваясь, и пальцы его невольно сжались в кулаки. Он был го-

тов. Пусть его оружие — не когти и не крылья, а ум и терпение, но именно они порой решают исход битвы. В тишине дворцовых залов, среди позолоты и бархата, эти качества становились острее стали.

Часы отсчитывали минуты, складывавшиеся в вечность. И в этой напряжённой тишине рождалось нечто большее, чем просто союз двух людей: зарождалась вера в то, что даже в самом роскошном дворце, полном тайн и интриг, всегда найдётся место верности и отваге. Вера, тихая, но упрямая, как пламя, которое не гаснет от ветра, а лишь разгорается сильнее.

Крик Агаты, пронзительный и резкий, разорвал утреннюю тишину, став первым вестником того, что план сработал. Он прокатился по коридорам дворца, словно предвестник бури, и с этого мгновения привычный уклад рухнул, уступив место панике и догадкам.

Утро в замке началось не с привычного звона колоколов и аромата свежего хлеба, а с тревожного шёпота, который, перерастая в гул, заполнял каждый уголок. Слуги переглядывались, кутаясь в изношенные плащи, придворные вполголоса обменивались догадками, а стражники, стараясь сохранять невозмутимость, нервно сжимали рукояти мечей. Повсюду звучали одни и те же встревоженные вопросы: «Кто

совершил преступление?», «Зачем это сделано?» и «Какие последствия ждут нас дальше?». Воздух был густ от напряжения, будто сам дворец затаил дыхание, ожидая удара.

Вскоре страшная весть облетела все покои: супруг одной из поварих был жестоко убит прямо в собственной постели. Детали преступления, передаваемые из уст в уста, обрастали всё новыми жуткими подробностями — говорили о следах борьбы, о тёмных пятнах на простынях, о том, что жертва даже не успела вскрикнуть. Эта новость потрясла обитателей дворца до глубины души: кто-то плакал, кто-то молился, а кто-то, пряча глаза, уже строил догадки, кому могла быть выгодна эта смерть.

Но среди всеобщего смятения появилась фигура, способная, казалось, вернуть порядок. Сам государь прибыл в замок — величественный, спокойный, с лицом, словно высеченным из камня. Его появление должно было унять панику, заставить всех поверить, что ситуация под контролем, а ужас постепенно сотрётся из памяти, как стирается мел с доски. Однако этого не случилось. Тревога не рассеялась — она лишь затаилась, притаилась в углах, чтобы вспыхнуть вновь при первом же шорохе.

И лишь один человек хранил в себе не просто память о случившемся, а тяжесть содеянного — Иван. В его душе не было ни торжества, ни облегчения. Он стал невольным убийцей двух человек, приняв это решение осознанно, с холодной ясностью, которая пугала его самого. Теперь груз этого

выбора давил на плечи, словно свинцовый плащ, не давая ни на миг забыть, на что он оказался способен.

Молодого царя терзал один-единственный вопрос, едва он узнал подробности убийства супруга поварихи. Этот вопрос жёг изнутри, не давая покоя ни днём, ни ночью. И когда вечером того же дня Иван вновь встретился с Джафаром, он не смог больше сдерживаться.

— Куда подевался второй? — спросил он, и в его голосе не было ни упрёка, ни гнева — только напряжённое ожидание ответа.

— В лесу оставил, — спокойно отозвался Джафар, будто речь шла о чём-то обыденном, вроде забытого плаща или потерянной перчатки.

— Что ты с ним сделал? — настойчиво повторил Иван, вглядываясь в лицо друга, пытаясь прочесть в нём хоть тень сомнения или сожаления.

— Это вопрос из чистого любопытства или из недоверия? — ухмыльнулся брюнет, но в его глазах мелькнуло что-то серьёзное, почти предостерегающее.

— Просто интерес, — твёрдо ответил блондин, глядя на юношу не по-мальчишески прямо, без отведения взгляда, как взрослый, принимающий на себя ответственность за свои вопросы.

— Загонял, как зайца, — коротко бросил Джафар, и в этой фразе прозвучала не жестокость, а холодная необходимость. — Он пытался бежать, метался между деревьями,

спотыкался о корни, кричал... Но лес не любит тех, кто нарушает его тишину. В конце концов он просто упал, обессиленный, и уже не сопротивлялся. Я не хотел лишней крови, но выбора не оставалось.

Иван молча кивнул, принимая эти слова не как оправдание, а как констатацию факта. Он понимал: в их положении милосердие — роскошь, которую они не могут себе позволить. Но от этого понимание не становилось легче.

Они стояли друг напротив друга в полумраке коридора, и тени от факелов плясали на стенах, искажая черты лиц, делая их похожими на маски. Между ними висела тишина, наполненная невысказанными мыслями и взаимным уважением к тяжести того, что они вынуждены были совершить.

— Спасибо, что сделал это, — наконец тихо произнёс Иван, и в этих словах была не благодарность за убийство, а признание того, что Джафар взял на себя часть его ноши.

— Не благодари, — чуть нахмурившись, отозвался гарпия. — Мы в одной лодке. Если один начнёт тонуть — потянет за собой другого. Так что это не ради тебя... а ради нас обоих.

Иван снова кивнул. Впереди их ждали новые испытания, новые решения, от которых зависели не только их жизни, но и судьба всего царства. Но сейчас, стоя в этом тёмном коридоре, они знали главное: они не одни. И пока между ними есть это молчаливое понимание, у них есть шанс выстоять.

События, произошедшие в царстве, навсегда остались

лишь в памяти стен обители Ивана. Спустя две недели мучительных раздумий Ивану наконец удалось вернуть домой Юру. Мальчик был сильно испуган, но физически невредим. Царским слугам крайне повезло, что ребёнка никто не купил у торговца, ссылаясь на ложь про голубую кровь.

Маленький царь повелел казнить всех участников происшествия через повешение, а членов их семей выслать за пределы государства. Естественно, находились противники, однако проблема разрешалась оперативно и безболезненно благодаря гильотине. Всё это происходило потому, что простолюдины осмелились запятнать честное имя Ивана, наследника государя Василия. Однако вряд ли кто-то мог предположить, насколько стремительно прекратятся их дерзкие речи...

Спустя некоторое время Иван приступил к управлению Российской империей — пусть и не в одиночку, а опираясь на узкий круг проверенных соратников, чью верность и мудрость он успел оценить в тяжёлые дни испытаний. Его правление быстро приобрело репутацию взвешенного и дальновидного: царь не торопился с указами, подолгу выслушивал разные мнения, вникал в тонкости каждого дела и старался, чтобы за каждым решением стояла не сиюминутная прихоть, а забота о благе государства. В нём чувствовалась та зрелость, что приходит не с годами, а с пережитыми бурями.

Что же до Джафара, он не растворился в прошлом, как это порой случается с теми, кто помог в беде и затем исчезает за

горизонтом. Напротив, он по-прежнему навещал блондина при любой возможности, и их встречи давно перестали быть просто данью благодарности или долгу. Они стали потребностью — для обоих.

Чаще всего друзья уходили туда, где всё началось, — на ту самую лесную лужайку, залитую солнцем и напоённую ароматами трав. Там, вдали от дворцовых интриг и тяжёлых государственных забот, Иван мог ненадолго сбросить с плеч груз короны и снова стать просто юношей — смеющимся над неуклюжим выпадом друга в шуточном поединке.

Они затевали весёлые схватки на деревянных палках, стараясь не задеть друг друга всерьёз. Собирали полевые цветы не ради венков, а чтобы втянуть носом их тонкий, едва уловимый запах — и на мгновение поверить, что мир по-прежнему прост и прекрасен. А потом, сбросив одежду, ныряли в прохладу водоёма, где когда-то впервые встретились. Вода смывала усталость, возвращала лёгкость, и на несколько минут казалось, что никакие дворцы, заговоры и короны не имеют значения.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы, и всё шло на удивление ладно. Иван привыкал к роли правителя, Джафар — к жизни рядом с человеком, чьи заботы были ему не всегда понятны, но чью душу он знал лучше собственной. Их дружба, выкованная в огне опасностей, теперь обретала новые грани: в ней было место и молчанию, и спорам, и беззаветной преданности, и простому, тихому счастью быть ря-

дом.

Но, как это часто бывает, даже самое спокойное течение жизни однажды встречает на своём пути камень, способный изменить русло. Всё складывалось замечательно, пока однажды, находясь на той самой знакомой полянке, молодые люди не перевернули очередную страницу своей истории.

Иван, растянувшийся на траве и прикрывший глаза от яркого солнца, вдруг приподнялся на локте и, прищурившись, уставился куда-то в сторону леса.

— Эй, Джафар, кто это там? — окликнул он, и в его голосе прозвучали одновременно удивление и лёгкая настороженность.

Джафар, который как раз наклонился, чтобы сорвать ромашку, замер и медленно выпрямился. Он проследил за взглядом Ивана — и только тогда заметил, что они не одни. Рядом с ними, почти сливаясь с тенью деревьев и трав, притаилась фигура, которую он не почувствовал ни слухом, ни чутьём гарпии.

Это была девушка — стройная, с тёмными волосами, свободно рассыпавшимися по плечам. Она смотрела на них со страхом — и с враждебностью, направленной на человека.

На мгновение время будто застыло: трое замерли, разглядывая друг друга, словно каждый пытался угадать, какую роль сыграет эта встреча в их судьбах.

Глава 4

Маргарет

— Сестра...

Джафар вскочил мгновенно — будто сама судьба висела на волоске, и лишь этот рывок мог её удержать. Его шаги в сторону Маргарет были резкими, но неуверенными — словно он ступал по тонкому льду, боясь провалиться в ледяную бездну. Они напоминали неуклюжие попытки новорождённого телёнка удержаться на дрожащих ногах: каждое движение давалось с трудом, будто воздух вокруг стал густым и вязким, сковывая его.

Юноша чувствовал, как сердце рухнуло куда-то в пятки и теперь бешено колотилось, словно отчаянная птица, бьющаяся в тесной клетке в тщетной попытке вырваться на свободу. Руки предательски дрожали мелкой нервной дрожью, а ладони покрылись липким, холодным потом, неприятно стягивавшим кожу. Мысли начали путаться, рассыпаясь на отдельные вспышки света перед глазами: они вспыхивали и гасли, теряя связь друг с другом, и из этих обрывков уже невозможно было сложить хоть сколько-нибудь ясную картину. Дыхание стало коротким и частым — будто горло сдавило железным обручем страха, который медленно сжи-

мался, лишая возможности сделать глубокий, спасительный
вдох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.